
О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ МОТИВОВ ЛИРИКИ С. ЕСЕНИНА И А. РЕМБО

У Даньдань

Кафедра истории русской литературы XX века
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ул. Воробьевы горы, 1-й корпус, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается типологическая близость мотивов в лирике С. Есенина и А. Рембо. Особое внимание уделяется особенностям творческого пути С. Есенина и А. Рембо. Поэзия С. Есенина представлена в контексте таких мотивов А. Рембо, как двойственность, мятежность, отношение к Церкви, любовь к природе и др.

Ключевые слова: лирический герой, литературная личность, лирика, мотив, двойственность, крестьянский космос.

По Ю. Тынянову, для обозначения художественного образа поэта в лирике и личности самого автора различают два понятия: «лирический герой» и «литературная личность». Как Блок был, с точки зрения Тынянова («Блок», 1921), самой большой лирической темой Блока, так, на наш взгляд, Есенин — самая насущная тема лирики Есенина, в которой Тынянов же отмечал сильную стиховую эмоцию, тесно связанную с личностью («Промежуток», 1924). Мемуаристы воссоздали разные модели поведения Есенина: крестьянин петербургских салонов, скандалист московских кабаков, денди-имажинист в цилиндре и лакированных ботинках и др.

Для исследователей жизни и творчества Есенина одной из частых стала тема соответствия или несоответствия лирического образа героя и реального поэта. Отмечается, насколько сознателен выбор его масок, насколько они органичны для него самого или связаны с литературной традицией. Уже в начале поэтического пути Есенин создает определенный образ своего Я — тихого, кроткого странника или инока, который славит «покойный уголок» — Русь, он отмечен и «Спаса кроткого печалью», и «волхвами, потайственно волхвующими» [3. С. 106]. Со временем он уступает место разбойнику, потом в его произведениях доминирует образ пророка космической революции, далее — как показатель душевного разлада, разочарования в своей революционной мистической утопии — опять скандалист, потом образ одинокого чужака в своей стране. Эта смена образов отражает как внутреннюю эволюцию поэта, так и воздействие на него внешних обстоятельств. Близость автора и лирического героя — универсальная традиция поэзии.

Есенинское «хулиганство» связано с народной традицией, с фольклорным образом разбойника, ушкуйника, с деревенским бытом. Но оно вписывается и в контекст европейской поэзии. Возможны и французские литературные источники. Произведения Мюссе были знакомы Есенину [8. С. 127—140]; в них стираются грани между лирическим героем и реальным автором, что актуально и для Бодлера, Верлена, который ввел выражение «проклятые поэты» [2. С. 179—193], Рембо и др.

Не будем исключать литературных влияний на поведенческую специфику Есенина и его лирического героя. В работах М. Никё («„Литературная личность“ Есенина и традиция „проклятых поэтов“», 2009), Н.М. Солнцевой («Странный Эрос», 2000) отмечались аналогии лирических героев Есенина и Рембо, Верлена, Бодлера. Невозможно определенно судить о безусловном следовании Есенина традициям перечисленных поэтов. Скорее отмеченные аналогии отражают общее в творческих интенциях, темпераментах, остроте впечатлений, в целом в индивидуальных эмоциональных мирах. Знакомство Есенина с творчеством «проклятых» поэтов могло усилить те или иные мотивы его лирики, как и провоцировать его поведенческую экспрессию, его максимализм.

Мы можем говорить о типологической близости мотивов поэзии Рембо и Есенина. История «русского» Рембо начала свой отсчет в 1894 г., когда появились первые переводы его стихов: это были «Гласные», а затем — «Завороженные». В XX в. русская аудитория чрезвычайно заинтересовалась личностью и творчеством Рембо, то стараясь его вписать в эстетику Серебряного века, то превращая его не просто в бунтаря, каким он, безусловно, был, а в поэта Парижской Коммуны. Есенин читал Верлена и Рембо, о чем свидетельствовал И. Эренбург [3. С. 208].

Оба поэта принципиально лиричны. Из поэзии Есенина 1910-х гг., освободившегося от влияния Н. Клюева, ушла концептуальность, при явной философичности его постклюевской поэзии он прежде всего лирик. Лирика Рембо была обращена к самому Рембо: поэт создал так называемый «персональный символизм».

Путь Рембо к «Пьяному кораблю» был недолгим, но емким. Столь же стремительной была эволюция воззрений Есенина, что, как отмечалось выше, сказалось на смене его лирических Я. Когда Рембо создал «Пьяный корабль», ему было всего 17 лет. Есенин рано сформировал свою поэтическую концепцию, развил в поэзии синтез предметной образности, метафор, символов. Рембо как автор «Пьяного корабля» также выразил свое стремление к обновлению поэзии и поэтического языка, причем двойственность в характере Рембо, как и Есенина, не противоречила основной, определяющей цели, его жизненному проекту быть поэтом.

Оба поэта — провинциалы. Школьные годы Рембо провел в небольшом городке Шарлевиле. Есенин заочил Константиновское земское училище. Как и Рембо, Есенин рано открыл в себе поэтический дар — писать стихи начал еще в училище. Юность обоих совпала с закатом империй. Есенин романтически воспринял русские революции. В 1871 г. произошли события Парижской Коммуны. Творчество Рембо стало одним из наиболее ярких проявлений того времени. В нем было что-то от анархиста, готового ко всеобщему разрушению (по свидетельству одного из его друзей, уже в 13—14 лет Рембо мечтал о том, чтобы силой изменить общество) [1. С. 131]. От Гюго, которому Рембо был многим обязан, он усваивает гражданский пафос, интерес к революционной истории Франции. Появились «Погибшим в 92 и 93 годах», «Кузнец», в котором звучат слова «Да, мы рабочие. Рабочие! Мы будем господствовать, когда наступит новый век» [5. С. 131]. Рембо ощущал неблагополучие нравственного уклада современной жизни, несоответствие сложившихся в ней традиций и форм искусства.

В произведениях Есенина и Рембо очевидно сходство в мотивах эпатирующего, «низкого», характера, что в определенном смысле отражает поиск новых поэтических форм и тенденцию приблизить искусство к жизни. Вместе с тем названная черта поэтики отвечает эмоциональному миру обоих поэтов. Рембо еще ребенком влекла жизнь трактиров и постоянных дворов, в написанном в 1873 г. «Одном лете в аду» он вспоминал, что восхищался каторжником. С 1915 г. Есенина увлекла тема черной, каторжной России, страны «железного звона цепей» («Наша вера не погасла...», 1915) [3. С. 108], его лирический герой — «хулиган», позже он — певец «Москвы кабацкой». Рембо эпатировал, перелом в есенинском умонастроении, появление мятежного Я связано с усилением бунтарских идей в России. Он пишет: «Не одна ведет нас к раю / Богомольная тропа» («Наша вера не погасла...») [3. С. 108]. Выбранная им тропа к земному раю — тропа казематов. В поэзии Есенина появились романтизированные им выразители вольницы — Марфа Посадница, Степан Разин, Емельян Пугачев.

Лирический герой, помня о том, что «Затерялась Русь в Мордве и Чуди, / Нипочем ей страх» («В том краю, где желтая крапива...», 1915) [3. С. 111], что по ее дорогам бредут «люди в кандалах», «убийцы или воры», заявил о себе как об одном из них. Так у лирического героя Есенина появилось второе лицо — от черной Руси. Мятежный двойник сопутствовал кроткому, нежному лирическому герою всю короткую жизнь поэта.

В «Вечерней молитве» Рембо есть ряд скабрёзных образов, например: «Спокойный, как творец и кедров, и иссопов, / Пускаю высь струю, искусно окропив / Янтарной жидкостью семью гелиотропов» [5. С. 44]. Есенин, отдавшись имажинистскому эпатажу, также решил «из окошка луну обоссать» («Исповедь хулигана», 1920) [3. С. 210]. Стремление символиста Рембо соединить высокое и низменное сродни имажинистским критериям. В текстах Рембо есть экспрессия, знакомая русскому читателю по лирике Есенина. Читаем у Рембо: «На ночном празднестве в северном городе я повстречал всех женщин, которых писали старые мастера. В старинном парижском переулке я получил классическое образование... Ведь я на том свете, мне нечего делать на этом» [5. С. 87]. У Есенина читаем: «Рано ли, поздно всажу я / В ребра холодную сталь. / Нет, не могу я стремиться / В вечную сгнившую даль» («Слушай, поганое сердце...» 1916) [3. С. 124]. В то же время за литературным озорством того и другого, возможно, стоит инфантильность, детская ранимость.

В лирике Есенина 1915 г. звучит искренний вызов, например:

Я одну мечту, скрывая, нежу,
 Что я сердцем чист.
 Но и я кого-нибудь зарежу
 Под осенний свист.
 И меня по ветряному свею,
 По тому ль песку,
 Поведут с веревкою на шею
 Полюбить тоску.

(«В том краю, где желтая крапива...») [3. С. 111].

Есенин примеривал на себя образ, в целом не свойственный русской поэзии. Возможно, Рембо не единственный поэт, этика которого сходна с есенинской. Так, вийоновский хулиган отвечал левеющим политическими настроениям поэта, романтизации им вольницы, особенностям его характера. Речь может идти только о совпадении: в России поэзия Вийона к 1915 г. была практически не известна читателю, не владеющему французским языком: к 1916 г. поэзия Вийона в России была известна по нескольким стихам в переводе В. Брюсова, Н. Гумилёва, С. Пинуса, переводы И. Эренбурга появились в 1916 г.

Есенин отразил в лирике, как и в поэмах, неоднозначность своего эмоционального мира, антитетичность своих лирических героев. В Рембо также была заложена двойственность, во многом определившая особенности его поэзии, образ жизни, отношение к окружающему миру. В лирическом герое Есенина сталкивались противоположности: «сердцем чист» и «зарезу». В автобиографическом стихотворении «Семилетние поэты» Рембо раскрывает свои черты угрюмости и лицемерья злого» [5. С. 45]. Среди его стихотворений уже упоминавшийся нами «Пьяный корабль» имеет значение. Опубликованы двадцать переводов «Пьяного корабля», не считая самиздатовских, интернетовских. Текст сложен по смыслу, неоднократно комментировался исследователями и толкователями. Стихотворение приобретает характер то исповеди мятущегося человека, то мрачного пророчества, то гимна ничем не ограниченной свободе.

Еще одна аналогия поэзии Есенина и Рембо — «пьяный бред» («Улеглась моя былая рана...», 1924) [3. С. 287], о котором идет речь и в «Москве кабацкой», и в «Черном человеке», и в других произведениях. Рембо ставит вопрос о самопознании с помощью алкоголя, наркотиков, утомительных ночных бдений и т.п. Но Рембо же требовал от поэта упорного труда, позволяющего открывать новые идеи и формы. Благодаря текстологам известна тщательная работа Есенина над вариантами своих текстов. Известны и его творческие проекты, прерванные гибелью. Таким образом, и у того, и у другого «пьяный бред» не снижал творческого потенциала, не умалял работу над текстами.

Бунтарь, обличитель буржуазности, Рембо ценил общение с природой; в его лирике есть и сияние солнца, и тихая речка родного края, и цветы, и свежая трава. Лирический герой умиротворен, первозданность природы вселяет в него покой: «...пойду я вдоль межи, ступая по траве подошвою босою» («Ощущение») [5. С. 131]. В есенинском пейзаже выразилась вера во всеобщую одушевленность природы — мирочувствование, которое в философии принято называть панпсихизмом. Его метели плачут, а ветерок застенчив, опавший клен и даже пейзажные образы созвучны теме душевного благополучия.

Особо следует сказать об отношении Рембо к Церкви, к христианству. Он рано расстался с детской верой, увидев в религии некое заблуждение ума, сознательный обман, унижающий человека. У Есенина тоже сложное отношение к Церкви. И. Розанов записал за ним: «Рано посетили меня религиозные сомнения. В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до желания кощунствовать и богохульствовать. И потом

и в творчестве моем были такие же полосы: сравните настроение первой книги хотя бы с “Преображением”» [6. С. 442]. В поэме «Инония» (1918) Есенин пишет: «Даже Богу я выщиплю бороду», «Проклинаю тебя я, Радонеж» [3. С. 180]. Однако следует отметить, что Есенину не изменяла религиозная интуиция, вопреки грубым фразам в адрес Церкви и даже Творца он оставался верующим человеком, сожалеющим о своем временном неверии.

В литературе Есенин создал мир крестьянского космоса. Он поэт-философ русского космизма. И в «Озарениях» Рембо поэтические восприятия зачастую не от непосредственных и очевидных данностей видимого и осязаемого, а от всего космоса. В «Импровизационных мемуарах» П. Клодель писал, как потрясли его «Озарения», разрушили философскую систему, на которую он пытался опереться, открыли ему сверхъестественное. Этот мотив Рембо корреспондирует с космизмом Есенина, его пониманием крестьянского бытия в почвенной и одновременно космической обусловленности.

Есенина и Рембо сближает и готовность к самокритицизму, исповедальности, раскаянию. Над поэмой «Черный человек» (1925) Есенин работал два года. Эта исповедальная поэма традиционно воспринимается как свидетельство его душевного кризиса, как поэма отчаяния, хотя по сути это поэма выздоровления, освобождения от рефлексии, от своего черного Я.

Рембо в «Поре в аду», безжалостен, беспощаден к себе. «Пора в аду» — суд поэта над собой, собственным искусством, образом жизни. Здесь есть и попытки возвращения к некоей изначальной вере, к чистоте чувств и помыслов. В «Прощай» Рембо писал: «Я вызвал к жизни все празднества, все триумфы, все драмы. Я силился измыслить новые цветы, новые звезды, новую плоть и новые наречия... И что же? Теперь мне приходится ставить крест на всех моих вымыслах и воспоминаниях!... Ни единой дружеской руки! Где же искать поддержку?» [5. С. 126].

Таким образом, у Рембо и Есенина есть такие общие мотивы, как двойственность, мятежность, отношение к церкви, любовь к природе и др. Но есть и принципиальное различие в мировосприятии поэтов. Согласимся с тем, о чем пишет С. Бернар: «Величие Рембо в том, что он все время заставляет нас вместе с самим собой ставить под вопрос не только то, что, как нам кажется, мы знаем о мире, но и самый мир» [1. С. 139]. Есенин, в силу своего витализма, никогда не ставил под вопрос «самый мир».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Балахонов В.* Гимн загадочной свободе // Рембо Ж.А. Пьяный Корабль: Стихи. СПб.: Петербург — XXI век; ТОО Лань, 1994.
- [2] *Гарин И.* Проклятые поэты. — М., 2003; Проклятые поэты. — СПб., 2005 (переводы М. Яснова); *Labrfcherie P.* La vie quotidienne de la boheme litteraire au XIXe siecle. — Paris, 1967. О русских переводах Верлена см.: *Henry H.* Verlaine, poete russe // Slavica jscitania. — Toulouse, 2000.
- [3] Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Под общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. — М., 1995.
- [4] *Солнцева Н.М.* Странный эрос. — М.: Эллис Лак, 2009.

- [5] *Рембо Ж.А.* Пьяный Корабль. Стихи. — СПб: Петербург-XXI век; Тоолань, 1994.
- [6] *Розанов И.* Воспоминания о Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. — В 2 т. — М., 1986. — Т. 1.
- [7] *Никё М.* Творчество Есенина: Литературные традиции и взаимосвязи // Проблемы научной биографии С.А. Есенина. — М.—Константиново—Рязань, 2009.
- [8] *Шубникова-Гусева Н.И.* Французские литературные источники «Черного человека» С.А. Есенина // *Revus des E tudes slaves*. — Париж, 1995. — Т. 67. — Вып. 1.

THE TYPOLOGICAL PROXIMITY OF LYRICS MOTIVES OF S. ESEIN AND A. RIMBAUD

Wu Dandan

Department of History of Russian Literature of XX Century
Lomonosov Moscow State University
St. Vorobiovy Hills, the 1st building, Moscow, Russia, 119991

The article is devoted to the typological proximity of motifs in the lyrics of Sergei Alexandrovich Esenin and Arthur Rimbaud. Particular attention is paid to the peculiarities of the creative ways of S. Esenin and A. Rimbaud. Poetry of Esenin is presented in the context of such motifs of A. Rimbaud, such as a duality, rebelliousness, attitude towards the Church, love for nature, etc.

Key words: poetic hero, a literary personality, lyrics, motif, duality, peasant cosmology.